

VII. РЕЛИГИЯ

В рассмотренных до сих пор формах образования, которые в общем различались как *сознание*, *самосознание*, *разум* и *дух*, *религия* как *сознание абсолютной сущности* хотя вообще и встречалась, однако с *точки зрения сознания*, которое сознает абсолютную сущность; но в названных формах не появлялась абсолютная сущность *в себе самой и для себя самой*, не появлялось самосознание духа.

Уже *сознание*, поскольку оно есть *рассудок*, становится сознанием *сверхчувственного* или "*внутреннего*" в предметном наличном бытии. Но сверхчувственное, вечное, или как бы еще оно ни называлось, лишено *самости*; это всего лишь *всеобщее*, которое еще далеко от того, чтобы быть духом, знающим себя как дух. – Затем *самосознание*, которое имеет свое завершение в форме *несчастливого* сознания, было лишь *скорбью* духа, прорывающейся вновь в предметности, но ее не достигающей. Единство *единичного* самосознания и его неизменной *сущности*, до которого доходит несчастное сознание, остается поэтому *по ту сторону* его. – Непосредственное наличное бытие *разума*, который выступал для нас из этой скорби, и свойственные ему формы не имеют религии, потому что самосознание разума знает или ищет себя в *непосредственном* наличествовании.

Напротив того, в нравственном мире мы видели некоторую религию, а именно *религию подземного мира*; она – вера в страшную неведомую ночь *судьбы* и в эвмениды *отошедшего духа*; – первая есть чистая негативность в форме всеобщности, вторые – та же негативность в форме единичности. Хотя, таким образом, абсолютная сущность в этой последней форме есть *самость* и имеется налицо как самость, иначе и не бывает, однако *единичная* самость есть "*эта*" единичная тень, отделившая от себя всеобщность, которая есть *судьба*. Хотя она есть тень, снятое "*это*" и, следовательно, всеобщая самость, тем не менее указанное негативное значение еще не обратилось в это положительное значение, и потому снятая самость в то же время непосредственно еще означает это особенное и лишенное сущности. – Но *судьба* без самости остается лишенной сознания ночью, которая не достигает ни различения внутри себя, ни ясности знания себя самой.

Эта вера в ничто необходимости и в подземный мир становится *верой в небо*, потому что отошедшая самость должна соединиться со своей всеобщностью, то, что она содержит, должно в этой всеобщности раскрыться и таким образом стать себе ясным. Но мы видели, что это *царство* веры раскрывает свое содержание только в стихии мышления, не доходя до понятия, и потому гибнет в своей судьбе, а именно в *религии просвещения*. В последней восстанавливается сверхчувственное потустороннее рассудка, но восстанавливается в таком виде, что самосознание удовлетворяется посюсторонним и знает, что сверхчувственное,

пустое, не подлежащее ни познанию, ни страху потустороннее не есть ни самость, ни сила.

В религии моральности, наконец, восстановлено то, что абсолютная сущность есть некоторое положительное содержание, которое, однако, соединено с негативностью просвещения. Это содержание есть некоторое *бытие*, которое точно так же возвращено обратно в самость и остается замкнутым в ней, и есть некоторое *различное содержание*, части которого столь же непосредственно подвергнуты негации, как и установлены. Но судьба, в которой тонет это противоречивое движение, есть самость, сознающая себя как судьбу *существенности и действительности*.

Дух, знающий себя самого, в религии непосредственно есть его собственное чистое *самосознание*. Рассмотренные формы его, – истинный дух, отчужденный от себя и достоверно знающий себя самого – совокупно составляют его в его *сознании*, которое, противостоя *своему* миру, в нем себя не узнает. Но в совести он подчиняет себя как свой предметный мир вообще, так и свое представление и свои определенные понятия, и теперь он – самосознание, сущее у себя. В этом самосознании он имеет для себя, будучи *представлен* как *предмет*, значение всеобщего духа, который внутри себя содержит всю сущность и всю действительность, но есть не в форме свободной действительности или самостоятельно являющейся природы. Правда, он имеет *образ* или форму бытия, будучи *предметом* своего сознания, но так как это последнее в религии установлено в существенном определении: быть *самосознанием*, то этот образ совершенно ясен для себя; и действительность, которую он содержит, в нем заключена или в нем снята именно так, как если бы мы говорили о *всей действительности*; она есть *мысленная* всеобщая действительность.

Так как, следовательно, в религии определение подлинного сознания духа не имеет формы свободного *инобытия*, то его *наличное бытие* отлично от его *самосознания*, и его подлинная действительность оказывается вне религии; дух и того и другого, конечно, один, но его сознание не объемлет обоих сразу, и религия является частью наличного бытия и действий, другая часть которых есть жизнь в действительном мире духа. Так как мы теперь знаем, что дух в своем мире и дух, знающий себя духом, или дух в религии, – одно и то же, поэтому завершение религии состоит в том, чтобы тот и другой стали равными друг другу, не только в том смысле, что действительность духа охвачена религией, но и наоборот, чтобы он стал для себя действительным как себя самого знающий дух и *предметом своего сознания*. – Поскольку дух в религии *представляет* себя себе самому, он, правда, есть сознание, и действительность, заключенная в ней, есть форма и внешний облик его представления. Но действительности в этом представлении не дано ее полное право – именно быть не только внешним обликом, но и самостоятельным свободным наличным бытием; и наоборот, так как в ней самой ей недостает завершения, она есть некоторая *определенная* форма, ко-

торая не достигает того, что должно воспроизводить, а именно духа, создающего себя самого. Дабы его форма выражала его самого, она сама должна быть не чем иным, как духом, и дух должен был бы себе казаться или действительно быть таким, каков он в своей сущности. Только благодаря этому было бы достигнуто и то, что может показаться требованием противоположного, а именно, что *предмет* его сознания имеет в то же время форму свободной действительности, но лишь дух, который имеет предметом себя в качестве абсолютного духа, есть для себя в такой же мере свободная действительность, в какой он продолжает сознать в ней себя самого.

Ввиду того, что прежде всего различаются самосознание и собственно сознание, *религия* и дух в мире духа или *наличное бытие* духа, последнее состоит в цельности духа, поскольку его моменты проявляются в их расхождении и каждый для себя. Но эти моменты суть *сознание, самосознание, разум и дух*, – дух именно как непосредственный дух, который еще не есть сознание духа. Их *совокупная* целостность составляет дух в его мирском наличном бытии вообще; дух как таковой содержит рассмотренные до сих пор формообразования во всеобщих определениях, в только что названных моментах. Религия предполагает полное их прохождение и есть *простая* целостность или абсолютная самость их. – Это прохождение их, впрочем, по отношению к религии не следует представлять во времени. Лишь дух в целом есть во времени, и формы, которые суть *формы духа* в целом как такового, проявляются во [временной] последовательности; ибо лишь целое имеет действительность в собственном смысле и потому – ту форму чистой свободы по отношению к иному, которая выражается как время. *Моменты* же целого, сознание, самосознание, разум и дух, так как они – моменты, не имеют разного друг с другом наличного бытия. Так же как дух был отличен от своих моментов, так еще, в-третьих, следует отличать от самих этих моментов определение каждого из них в отдельности. А именно, каждый такой момент, как мы видели, в свою очередь, в самом себе принимает в собственном последовательном течении различные и разнообразные формы, как, например, в сознании различались чувственная достоверность и восприятие. Это последние стороны расходятся по времени и принадлежат некоторому *особенному целому*. – Ибо дух из своей *всеобщности* нисходит до *единичности* через *определение*. Определение или средний термин есть *сознание, самосознание* и т.д. Но *единичность* составляют формы этих моментов. Последние представляют дух в его единичности или *действительности* и различаются во времени, однако так, что в последующем удерживаются предыдущие.

Если поэтому религия есть завершение духа, в которое отдельные моменты его – сознание, самосознание, разум и дух – *возвращаются* и вернулись как в свою *основу*, то в совокупности они составляют *наличную сущую действительность* духа в целом, который только и *есть* как различающее и возвращающееся в себя движение этих его сторон. Становление *религии вообще* содержится в движении всеобщих моментов.

Но так как каждый из этих атрибутов был представлен так, как он не только определяется в общем, но как он есть *в себе и для себя*, т.е. как он для самого себя протекает внутри себя как целое, то тем самым произошло не только становление религии *вообще*, но и указанные процессы полного прохождения *отдельных* сторон содержат в то же время *определенности* самой религии. Дух в целом, дух религии есть, в свою очередь, движение, состоящее в том, что, исходя из своей непосредственности, он приходит к *знанию* того, что есть он *в себе* или непосредственно, и достигает того, что формообразование, в котором он выступает перед своим сознанием, совершенно тождественно его сущности, и он созерцает себя таким, как он есть. – В этом становлении, следовательно, дух сам существует в *определенных* формообразованиях, которые составляют различия этого движения; в то же время в силу этого определения религия имеет точно так же некоторый *определенный действительный* дух. Если, стало быть, знающему себя духу вообще принадлежат сознание, самосознание, разум и дух, то к *определенным* формообразованиям знающего себя духа принадлежат *определенные* формы, которые внутри сознания, самосознания, разума и духа развивались в каждом из них в отдельности. Для своего действительного духа *определенная* форма религии извлекает из форм каждого его момента те, которые соответствуют ей. *Одна* определенность религии проникает все стороны ее действительного наличного бытия и накладывает на них эту общую печать.

Именно так формообразования, выступавшие доселе, организуются теперь иначе, чем они выступали в своей последовательности, о чем предварительно выскажем вкратце еще несколько необходимых замечаний. В рассмотренной последовательности каждый момент, углубляясь в себя, складывался в некоторое целое по свойственному ему принципу; и познание было той глубиной или тем духом, в котором эти моменты, для себя не имевшие устойчивого существования, получали свою субстанцию. Но теперь эта субстанция выступила; она есть глубина духа, достоверно знающего себя самого, глубина, которая не позволяет отдельному принципу изолироваться и сделаться целым внутри себя самого, а собирая и удерживая вместе внутри себя все эти моменты, она продвигается в этом совокупном богатстве своего действительного духа, и все его отдельные моменты сообща принимают и получают одинаковую определенность целого внутри себя. – Этот дух, достоверно знающий себя самого, и его [поступательное] движение есть их подлинная действительность и *в-себе- и для-себя-бытие*, которое достается каждому в отдельности. – Следовательно, если прежний один ряд в своем продвижении обозначал узлами возвратные ходы внутри себя, но, выходя из них, снова продолжал движение вдоль, то теперь он как бы разорван в этих узлах, всеобщих моментах, и распадается на много линий, которые, будучи собраны в один пучок, в то же время симметрически соединяются, так что одинаковые различия, в которые сформировалась каждая отдельная линия внутри себя, совпадают. Впрочем из всего из-

ложения явствует само собою, каким образом следует понимать эту представленную здесь координацию общих направлений, а потому излишне отмечать, что эти различия по существу надо понимать лишь как моменты становления, а не как части; в действительном духе они суть атрибуты его субстанции; в религии же, напротив, – лишь предикаты субъекта. – Точно так же *в себе* или *для нас*, конечно, все формы вообще содержатся в духе и в каждом духе; что же касается его действительности вообще, то все дело лишь в том, какова для него в его *сознании* та определенность, в которой он выразил свою самость, или в какой форме он знает свою сущность.

Различие, которое было сделано между *действительным* духом и духом, который знает себя в качестве духа, или между ним самим как сознанием и как самосознанием, снято в духе, который знает себя согласно своей истине; его сознание и его самосознание уравниваются. Но поскольку религия здесь лишь *непосредственна*, это различие еще не ушло обратно в дух. Установлено только *понятие* религии; сущность в этом понятии есть *самосознание*, которое есть для себя вся истина и в ней содержит всю действительность. Это самосознание как сознание имеет предметом себя; дух, знающий себя лишь *непосредственно*, есть для себя, следовательно, дух *в форме непосредственности*, и определенность формообразования; в котором он для себя выступает, есть определенность *бытия*. Это бытие, правда, *наполнено* не ощущением или многообразной материей, или иными односторонними моментами, целями и определениями, а духом и знает себя как всю истину и действительность. Это *наполнение*, таким образом, не равно своему формообразованию; дух как сущность не равен своему сознанию. Он действителен лишь как абсолютный дух, ибо как он есть в *достоверности себя самого*, так он есть для себя и в своей *истине*, или: крайние термины, на которые он как сознание делится, суть друг для друга в образе духа. Вид, который принимает дух как предмет своего сознания, остается наполненным достоверностью духа как субстанцией; благодаря этому содержанию исчезает низведение предмета до чистой предметности, до формы негативности самосознания. Непосредственное единство духа с самим собою есть основа или чистое сознание, *внутри* которого сознание раздваивается. Заключенный таким образом в свое чистое самосознание, дух существует в религии не как творец *природы* вообще; то, что он создает в этом движении, есть его формообразования как духи, которые в совокупности составляют полноту его явления; и само это движение есть становление его совершенной действительности через отдельные стороны ее, или через его несовершенные [виды] действительности.

Первая действительность духа есть понятие самой религии, или религия как религия *непосредственная* и, стало быть, *естественная*; в ней дух знает себя как свой предмет в естественном или непосредственном виде. *Вторая же* действительность необходимо есть та, которая знает себя *в виде снятой естественности* или *самости*. Она, следовательно, есть *искусственная религия*; ибо до формы *самости* этот вид

возводится благодаря *созидающей* деятельности сознания, вследствие чего последнее созерцает в своем предмете свое действие или самость. Наконец, *третья* действительность снимает односторонность обеих первых; *самость* – в такой же мере *непосредственная* самость, в какой и *непосредственность* есть *самость*. Если в первой действительности дух вообще существует в форме сознания, во второй – в форме самосознания, то в третьей – в форме единства их; он имеет формообразование *в-себе-* и *для-себя-бытия*, и ввиду того, следовательно, что он представлен так, как он есть в себе и для себя, это – *религия откровения*. Но хотя в ней дух достигает своего истинного формообразования, тем не менее именно само формообразование и *представление* есть еще сторона непреодоленная, от которой он должен перейти в понятие, чтобы совершенно растворить в нем форму предметности, – в нем, в понятии, которое точно так же заключает в себе эту свою противоположность. Только тогда дух постиг понятие себя самого так, как пока лишь постигли его мы, и его формообразование или стихия его наличного бытия, будучи понятием, есть сам дух.

А. ЕСТЕСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ

Дух, знающий духа, есть сознание себя самого, и для себя он есть в форме предметного; он *есть* и в то же время он *есть для-себя-бытие*. Он *есть для себя*, он *есть* сторона *самосознания*, и притом вопреки стороне своего сознания, или стороне соотнесения себя с собою как *предметом*. В его сознании есть противоположение и тем самым *определенность* формообразования, в котором он себе является и знает себя. Только об этой определенности и будет речь в нижеследующем рассмотрении религии; ибо неоформленная сущность духа или его чистое понятие уже выяснилось. Но различие между сознанием и самосознанием в то же время оказывается внутри последнего; форма религии не содержит наличного бытия духа ни в виде свободной от мысли природы, ни в виде свободной от наличного бытия мысли; эта форма есть наличное бытие, содержащееся в мышлении, точно так же как оно есть нечто мысленное, которое есть для себя налично сущее. Одна религия отличается от другой по *определенности* той формы, в которой дух знает себя, но в то же время надо заметить, что воспроизведение этого его знания о себе по этой *отдельной определенности* на деле не исчерпывает действительной религии в целом. Те разные религии, которые предстанут перед нами, воспроизводят опять-таки лишь разные стороны одной-единственной религии, и притом *каждой отдельной*, и представления, которые как будто выделяют одну действительную религию предпочтительно перед другой, встречаются во всякой религии. Но в то же время и разнообразие должно рассматриваться как некоторое разнообразие религии. В самом деле, так как дух пребывает в различии своего сознания и своего самосознания, то движение имеет целью снять это главное различие и придать формообразованию, кото-

рое есть предмет сознания, форму самосознания. Но это различие еще не снято тем, что формообразования, которые содержит сознание, заключают в себе также момент самости и что бога *представляют* как *самосознание*. *Представленная* самость не есть *действительная* самость; для того, чтобы она, как и всякое другое более точное определение формообразования поистине принадлежала последнему, она, с одной стороны, должна быть приведена к этому формообразованию действием самосознания, а с другой стороны, низшее определение должно оказаться снятым и постигнутым в понятии через определение более высокое. Ибо то, что представлено, лишь благодаря тому перестает быть представленным и чуждым знанию его, что оно порождено самостью и, следовательно, рассматривает определение предмета как *свое* определение, а тем самым рассматривает себя в нем. – Благодаря этой деятельности более низкое определение в то же время исчезло, ибо действие есть негативное действие, которое осуществляется за счет некоторого другого; поскольку же низшее определение еще встречается, оно удалилось в несущественность; точно так же, как и напротив, там, где еще господствует более низкое определение, но встречается и более высокое, одно скромно занимает место рядом с другим. Поэтому хотя разные представления внутри отдельной религии и воспроизводят все движение ее форм, тем не менее характер каждой религии определен особенным единством сознания и самосознания, т.е. тем, что самосознание вмещает в себя определение предмета сознания, благодаря своему действию полностью присваивает его себе и знает его как существенное определение по сравнению с другими. – Истина веры в определение религиозного духа выявляется в том, что *действительный* дух таков, каково формообразование, в котором он созерцает себя в религии, – как, например, в воплощении бога, которое встречается в восточной религии, не содержится истина, потому что в действительном духе этой религии нет этого примирения. – Здесь нет надобности возвращаться от целостности определений к отдельному определению и показывать, в каком формообразовании внутри него и его особой религии содержится полнота прочих определений. Более высокая форма, будучи отодвинута назад и подчинена более низкой форме, теряет свое значение для обладающего самосознанием духа, принадлежит ему только поверхностно и относится к его представлению. Более высокую форму следует рассматривать в ее специфическом значении и там, где она составляет принцип этой особой религии и удостоверена ее действительным духом.

а. Светлое существо

Дух как *сущность*, которая есть *самосознание*, – или обладающая самосознанием сущность, которая есть вся истина и знает всю действительность в качестве себя самой, – в противоположность реальности, которую он сообщает себе в движении своего сознания, есть всего лишь *понятие* духа; и это понятие в противоположность дневному свету этого раскрытия есть ночной мрак его сущности, в противоположность на-

личному бытию его моментов как самостоятельных форм – творческая тайна его рождения. Эта тайна содержит свое откровение внутри себя самой; ибо наличное бытие обладает в этом понятии своей необходимостью, потому что это понятие есть знающий себя дух, следовательно, содержит в своей сущности момент, состоящий в том, что оно есть сознание и предметно представляет себя. – Это есть чистое “я”, которое в своем отрешении обладает внутри себя как *всеобщего предмета* достоверностью себя самого, или: – этот предмет для него есть проникновение всего мышления и всей действительности.

В непосредственном первом раздвоении знающего себя абсолютно духа его формообразование имеет то определение, которое принадлежит *непосредственному сознанию* или *чувственной достоверности*. Он созерцает себя в форме бытия, однако не *бытия*, лишённого духа и наполненного случайными определениями ощущения, не бытия, которое свойственно чувственной достоверности, а бытия, наполненного духом. Оно заключает в себе также форму, которая встречалась в непосредственном *самосознании*, форму *господина* в противоположность самосознанию духа, которое отошло от своего предмета. – Это наполненное понятием духа *бытие* есть, следовательно, *форма простого* отнесения духа к самому себе, или форма бесформенности. По этому определению оно есть чистое, все содержащее и наполняющее *светлое существо* восхода, которое сохраняется в своей бесформенной субстанциальности. Его инобытие есть столь же простое негативное, *мрак*; движения его собственного овнешнения (*Entäußerung*), его творения в не оказывающей сопротивления стихии его инобытия суть струи света; в то же время они в своей простоте суть его для-себя-становление и возвращение из своего наличного бытия, пожирающие формирование огненные потоки. Различие, которое оно себе сообщает, хотя и разрастается в субстанции наличного бытия и складывается в формы природы, но существенная простота его мышления блуждает в них безостановочно и безрассудно, расширяет безмерно их границы и растворяет в своем величии их поднявшуюся до великолепия красоту.

Содержание, которое развивается этим чистым *бытием*, или его воспринимание, есть поэтому лишённая сущности игра в этой субстанции, которая только *восходит*, не *опускаясь* внутрь себя, не становясь субъектом и не укрепляя своих различий с помощью самости. Ее определения – только атрибуты, которые не достигают самостоятельности, а остаются лишь именами многоименного “одного”. Это последнее окутано многообразными силами наличного бытия и формами действительности, как какими-то лишёнными самости украшениями; они – только лишённые собственной воли вестники его могущества, наглядные образы его великолепия и голоса хвалы ему.

Но эта упоительная жизнь должна определить себя к *бытию для себя* и должна сообщить устойчивое существование своим исчезающим формам. *Непосредственное бытие*, в котором она противопоставляет себя своему сознанию, само есть *негативная* сила, которая растворяет ее

различия. Оно есть поистине самость; и потому дух переходит к тому, чтобы знать себя в форме самости. Чистый свет разбрасывает свою простоту как некую бесконечность форм и отдает себя в жертву для-себя-бытию, дабы единичное приобрело себе устойчивость в его субстанции.

в. Растение и животное

Обладающий самосознанием дух, ушедший в себя из бесформенной сущности или возвысивший свою непосредственность до самости вообще, определяет свою простоту как многообразие для-себя-бытия и есть религия духовного *восприятия*, в котором он распадается на бесчисленное множество духов более слабых и более сильных, более богатых и более бедных. Этот пантеизм, прежде всего *спокойная* устойчивость этих духовных атомов, превращается внутри себя самого в преисполненное *вражды* движение. Невинность *религии цветов*, которая есть только лишенное самости представление самости, переходит в серьезность жизни, полной борьбы, в вину *животной религии*, покой и бессилие созерцающей индивидуальности переходит в разрушительные для-себя-бытие. – Дела не меняет, что у вещей восприятия отнята *смерть абстракции* и они возведены в сущность духовного восприятия; одушевление это царства духов заключается в себе эту смерть в силу определенности и негативности, которая берет верх над их невинным безразличием. Благодаря определенности и негативности рассеяние на многообразии покоящихся растительных форм становится преисполненным вражды движением, в котором исчерпывается ненависть их для-себя-бытия. – *Действительное* самосознание этого рассеянного духа есть множество разобщенных враждебных народных духов, которые в своей ненависти борются между собой насмерть и начинают сознавать определенные животные формы как свою сущность, ибо они суть не что иное, как животные духи, обособляющиеся животные жизни, сознающие себя вне всеобщности.

Но в этой ненависти истощается определенность чисто негативно-го для-себя-бытия, и благодаря этому движению понятия дух вступает в другое формообразование. Снятое *для-себя-бытие* есть *форма предмета*, которая порождена самостью или, лучше сказать, есть порожденная, себя исчерпывающая, т.е. превращающаяся в вещь самость. Поэтому над лишь разрывающими животными духами берет верх работающий дух, чье действие не только негативно, но умиротворяюще и положительно. Сознание духа, следовательно, отныне есть движение, которое вышло за пределы непосредственного *в-себе-бытия*, равно как и за пределы абстрактного *для-себя-бытия*. Так как в-себе [-бытие] благодаря противоположности низведено (*herabgesetzt*) до некоторой определенности, то оно уже не есть собственная форма абсолютного духа, а есть действительность, которую сознание этого духа застаёт уже противоположной (*entgegengesetzt*) себе как обыкновенное наличное бытие, снимает ее и равным образом не только есть это снимающее

для-себя-бытие, но также порождает свое представление, [т. е.] для-себя-бытие, выставленное наружу (*herausgesetzt*) в форме некоторого предмета. Это созидание, однако, еще не есть совершенное, а есть некоторая обусловленная деятельность и формирование чего-то наличного.

с. Мастер

Итак, дух является здесь в качестве *мастера*, и его действие, которым он порождает себя самого как предмет, но еще не постиг мысли о себе, есть в некотором роде инстинктивная работа, подобно тому как пчелы строят свои ячейки.

Первая форма, так как она – непосредственная форма, есть абстрактная форма рассудка, и само произведение в самом себе еще не наполнено духом. Кристаллы пирамид и обелисков, простые соединения прямых линий вместе с плоскими поверхностями и равными отношениями частей, в которых уничтожена несоизмеримость круга, – суть работы этого мастера строгой формы. Из-за голой рассудочности этой формы значение ее не содержится в ней самой, она не есть духовная самость. Произведения, следовательно, или только воспринимают в себя дух как чуждый, отошедший дух, который, оставив свое живое проникновение действительностью, сам мертвый, водворяется в этих кристаллах, лишенных жизни; или эти произведения внешне соотносятся с ним как с таким, который сам внешне и наличествует не в качестве духа, т. е. как с восходящим светом, который отбрасывает на них свое значение.

Разделение, из которого исходит работающий дух, – разделение *в-себе-бытия*, которое становится материалом, им обрабатываемым, и *для-себя-бытия*, которое есть *сторона* работающего самосознания, – стало для него в его произведении предметным. Его дальнейшие усилия должны быть направлены на устранение этого разделения души и тела – душу самое по себе облачить и придать ей форму, а тело – одушевить. Обе стороны, будучи сближены друг с другом, удерживают при этом одно по отношению к другой определенность представленного духа и охватывающей его оболочки; его согласие с самим собою содержит эту противоположность единичности и всеобщности. В то время как сами стороны произведения сближаются, благодаря этому происходит и другое, а именно произведение приближается к работающему самосознанию, и последнее достигает в произведении знания себя, как оно есть в себе и для себя. Но таким образом оно составляет всего лишь абстрактную сторону *деятельности* духа, знающую свое содержание еще не внутри себя самой, а по его произведению, которое есть некоторая вещь. Сам мастер, дух в целом, еще не появился; он еще – внутренняя скрытая сущность, которая как целое имеется налицо лишь разделенной на деятельное самосознание и на созданный им предмет.

Следовательно, окружающее обиталище, внешнюю действительность, которая возведена лишь в абстрактную форму рассудка, мастер обрабатывает в более одушевленную форму. Он применяет для этого

растительную жизнь, которая более не священна, как для прежнего бесильного пантеизма, а, постигая себя как для-себя-сущую сущность, он берет эту жизнь как нечто годное к потреблению и низводит до внешней стороны и украшения. Эта жизнь, однако, применяется не в неизменном виде; мастер (Arbeiter) обладающей самосознанием формы уничтожает в то же время переходящие черты, присущие непосредственному существованию этой жизни, и приближает ее органические формы к более строгим и всеобщим формам мысли. Органическая форма, которая, будучи предоставлена себе, разрастается, а с другой стороны, возводит эти прямолинейные и плоские формы в более одушевленное округление – смешение, которое становится началом свободной архитектуры.

Это жилище, сторона *всеобщей стихии* или неорганической природы духа, включает теперь в себя и форму *единичности*, которая приближает к действительности прежде отошедшего от наличного бытия, внутреннего или внешнего для него духа и тем самым делает произведение более соответствующим деятельному самосознанию. Мастер прилагает руки прежде всего к форме *для-себя-бытия* вообще, к образу *животных*. То, что он себя самого более не сознает непосредственно в животной жизни, он доказывает тем, что конституирует себя по отношению к ней как созидательную силу и знает себя в ней как в *своем* произведении, благодаря чему эта форма становится в то же время снятой формой и иероглифом некоторого другого значения, иероглифом мысли. Поэтому она и употребляется мастером уже не как единственная и не целиком, а смешана с формой мышления, с человеческой формой. Но произведению все еще недостает той формы и наличного бытия, в которых самость существует как самость; – ему еще недостает выражения в нем самом того, что в нем содержится некоторое внутреннее значение, ему недостает языка, той стихии, в которой имеется сам наполняющий смысл. Поэтому произведение, хотя оно и очистилось целиком от всего животного и носит на себе одну лишь форму самосознания, все еще есть беззвучная форма, нуждающаяся в луче восходящего солнца, дабы издавать звук, который, будучи порожден светом, есть только звучание, а не язык, показывает только некоторую внешнюю самость, а не внутреннюю.

Этой внешней самости формы противостоит другая форма, которая показывает, что ей присуще некоторое “внутреннее”. Возвращающаяся в свою сущность природа низводит свое живое, разъединяющееся и в своем движении запутывающееся многообразие до несущественной скорлупы, которая составляет *покров для “внутреннего”*; и это “внутреннее” есть сначала еще простой мрак, нечто неподвижное, черный бесформенный камень.

Оба изображения содержат *внутреннюю сущность* и *наличное бытие* – оба момента духа; и оба изображения содержат в то же время оба момента в противоположном отношении, самость в качестве и внутреннего, и внешнего. То и другое должно быть соединено. – Душа статуи,

имеющей человеческую форму, еще не исходит из “внутреннего”, еще не есть язык, [т. е.] наличное бытие, которое само по себе внутренне, – и “внутреннее” многоформенного наличного бытия еще беззвучно, не различает себя внутри себя самого и еще отделено от своего “внешнего”, к которому относятся все различия. – Поэтому мастер соединяет то и другое, смешивая форму природную и форму, обладающую самосознанием; и эти двусмысленные, для себя самих загадочные существа, сознательное в борьбе с бессознательным, простое “внутреннее” в сочетании с многообразным “внешним”, темнота мысли в соединении с ясностью внешнего выражения раскрываются в языке глубокой, трудно понимаемой мудрости.

На этом произведении прекращается инстинктивная работа, которая создавала бессознательное по отношению к самосознанию произведения; ибо в этом произведении деятельности мастера, составляющей самосознание, идет навстречу столь же обладающее самосознанием, выражающее себя “внутреннее”. Мастер поднялся в своей работе до раздвоения своего сознания, когда дух встречается с духом. В этом единстве обладающего самосознанием духа с самим собою, поскольку он есть для себя форма и предмет своего сознания, очищаются, стало быть, его смешения с бессознательным модусом непосредственного природного оформления. Эти чудовища по форме, речи и действию растворяются в духовное формообразование, в нечто внешнее, что ушло в себя, в нечто внутреннее, что внешне проявляет себя в себе самом и исходя из себя, – в мысль, которая есть ясное наличное бытие, себя рождающее и получающее соответственно себе формообразование. Дух стал *художником*.

В. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ

Дух возвел свое формообразование, в котором он дан своему сознанию, в форму самого сознания и создает себе таковую. Мастер отказался от *синтетической* работы, от *смешения* чуждых друг другу форм мысли и природного; так как формообразование приобрело форму обладающей самосознанием деятельности, то мастер стал духовным работником.

Если мы зададимся вопросом, каков тот *действительный* дух, который в художественной религии обладает сознанием своей абсолютной сущности, то окажется, что это – дух *нравственный* или *истинный*. Он – не только всеобщая субстанция всего единичного, но так как эта субстанция для действительного сознания имеет форму сознания, то это значит только, что она, будучи индивидуализирована, становится им известна в качестве их собственной сущности и произведения. Таким образом она не есть для них ни светлое существо, в единстве которого для-себя-бытие самосознания содержится только негативно, только преходящим образом и созерцает господина своей действительности, ни неус-